

Орлов, М. А.

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ

Mikhail

Iur'evich.

ЛЕРМОНТОВЪ

Lermantov

ЕГО ЛИЧНОСТЬ И ПОЭЗІЯ.

1883 0985:4

(Изъ публичныхъ чтеній въ пользу Общества вспоможенія нуждающимся ученицамъ С.-Петербургской Маріинской Женской Гимназіи).

СОСТАВИТЕЛЬ

М. А. ОРЛОВЪ

Книга **ОДОБРЕНА** Ученымъ Комитетомъ Мин. Нар. Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типографія С. Доврождѣва, Троицкій пер., 32

1883

891.78
L60
072
1883a

Дозволено цензурою. Спб , 28-го апреля 1883 г.

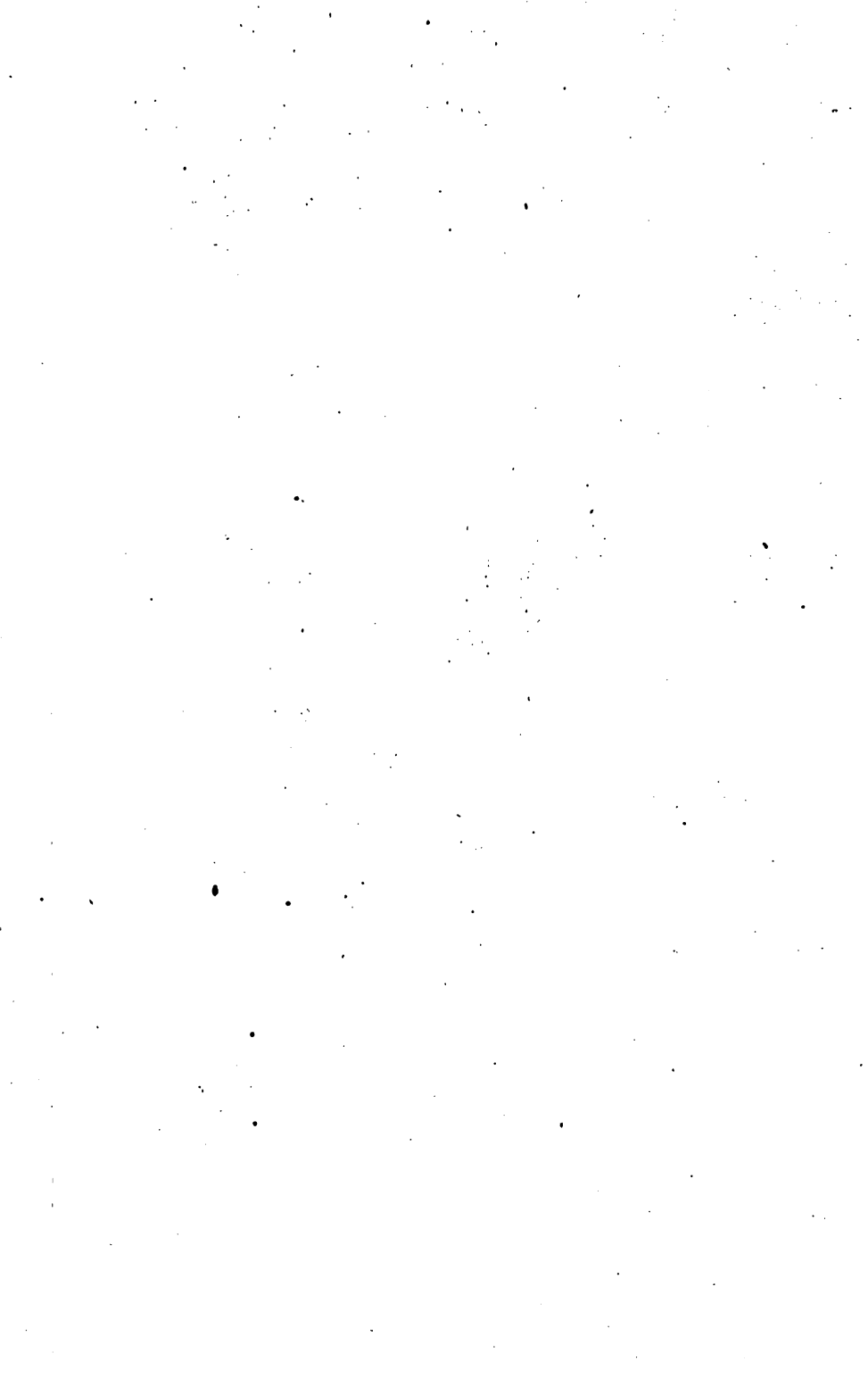
105-276428

ПОСВЯЩАЕТСЯ

Ученицам С.-Петербургской Мариинской Женской Гимназии

выпуска 1883 года

Михаилъ Юрьевичъ ЛЕРМОНТОВЪ.

Его личность и поэзія.

*Посвящается ученицамъ С.-Петербургской Женской Маріинской Гимназіи
выпуска 1883 года.*

— * —

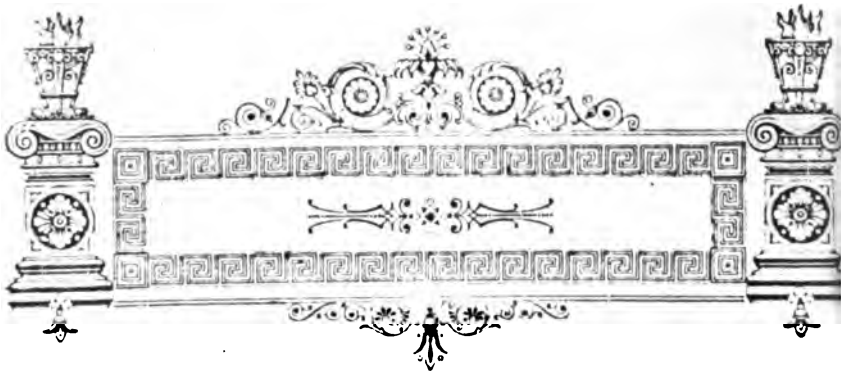

ь исторіи русской литературы чрезвычайно своеобразная личность и поэзія Лермонтова представляютъ еще много невыясненнаго, загадочнаго. Въ сороковыхъ годахъ, когда Россія, спасительница Европы отъ погромовъ и деспотизма Наполеона I, находилась на верху политическаго своего могущества, когда торжественный побѣдный гимнъ славнаго Екатерининскаго царствованія: „Громъ побѣды, раздавайся, веселися, храбрый Россѣ!“ слынился еще болѣе громкимъ и восторженнымъ: „Наша матушка Россія всему свѣту голова!“ и криками: „Европу шапками закидаемъ“; когда московскіе славянофилы самыми мрачными красками рисовали ложную цивилизацію и полное разложеніе „гнилого запада“ Европы и вмѣстѣ съ тѣмъ краснорѣчиво толковали о богатомъ за-

пасѣ силъ русскаго народа, о его историческомъ призваніи, о новомъ, благотворномъ потокѣ, который этотъ великій народъ при-

званъ влѣтъ въ обѣщавшую жизнь человѣчества, — Лермонтовъ, преемникъ и наслѣдникъ славы Пушкина, перваго и величайшаго русскаго поэта, начинаетъ рисовать русское общество самыми мрачными и сильно сгущенными красками, представляя современное ему поколѣніе „постыдно равнодушнымъ къ добру и злу“ и лишь способнымъ „толпой угрюмою и скоро позабытой пройти надъ міромъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодотворной, ни гениемъ начатаго труда“. Среди всеобщей глубокой тишины, полного, самодовольнаго спокойствія его поэзія звучнымъ „желѣзнымъ стихомъ“, какъ набатомъ колокола, неожиданно всполошила современниковъ, возшла яркою, блестящею звѣздою, промчалась ослѣпительнымъ метеоромъ, далеко разбрасывающимъ огненные искры, разразилась на горизонтѣ русской поэзіи страшною громовою тучею и мгновенно сокрылась, оставивъ послѣ себя мрачные, безотрадныя образы, полныя бѣшеной энергіи, противоположнаго раздора, презрѣнія къ жизни. Самъ поэтъ, безспорно, человѣкъ въ высшей степени талантливый, натура нѣжная, симпатичная съ самаго ранняго дѣтства и до послѣдняго дня своей жизни больше всего старался являться не тѣмъ, кѣмъ онъ былъ на самомъ дѣлѣ: любилъ казаться до безумія разгульнымъ гусаромъ, дурачился самымъ непозволительнымъ образомъ, выкидывалъ дерзкія, легкомысленнѣйшія штуки въ то самое время, когда умъ его былъ полонъ серьезнѣйшихъ думъ, а сердце трепетало отъ избытка высокихъ чувствъ и когда вся читающая Россія съ трепетнымъ благоговѣніемъ внимала „вѣщаніямъ“ новаго великаго поэта, способнаго вознаградить недавнюю, незамѣнимую потерю въ лицѣ Пушкина. Въ виду всего этого и помимо общаго вниманія къ Лермонтову, возбужденнаго въ послѣдніе годы толками и сооруженіи ему памятника, тщательной разработкой его біографіи и обнародованіемъ неизданныхъ его произведеній, не безынтересно остановиться на своеобразной личности и поэзіи Лермонтова.

I.

Характеристическія черты личности М. Ю. Лермонтова.

Домашнее воспитаніе и образованіе.—Знакомство съ произведеніями иностран-
ныхъ и русскихъ поэтовъ.—Впечатанія дѣтства.—Двойственность въ харак-
терѣ Лермонтова-ребенка.—Пробываніе въ университетскомъ пансіонѣ.—Пробы-
ваніе въ университетѣ и выходъ изъ него.—Пробываніе въ школахъ гвардейскихъ
подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ.—Шалости Лермонтова въ этихъ
школахъ и серьезныя занятія литературой.—Полное обнаруженіе двойственности
въ характерѣ Лермонтова.—Его литературная дѣятельность и литературная
извѣстность.—Первая ссылка на Кавказъ.—Возвращеніе въ Петербургъ
успѣхи въ «большомъ свѣтѣ».—Дуэль съ Барантомъ и вторая ссылка на Ка-
вказъ.—Смерть Лермонтова и сужденіе объ этомъ фактѣ.

Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ родился въ
Москвѣ 2 октября 1814 г. въ домѣ бабушки
своей Арсеньевой, у которой въ то время
гостили его родители. Отецъ Лермонтова
бѣдный армейскій офицеръ, потомокъ сла-
вой шотландской фамиліи Лермонтовъ изъ
графства Единбургъ, считающей въ числѣ
своихъ членовъ знаменитаго барда Ому
который, по преданію, въ юности былъ
унесенъ въ страну фей, гдѣ приобрѣлъ даръ прорицанія
пѣсень, впоследствии столь прославившихъ его между со-
отечественниками. Родоначальникъ русской отрасли этой фа-
миліи, Юрій Андреевичъ, переселился въ Россію еще въ на-
чалѣ царствованія Михаила Федоровича, получилъ отъ царя

„восемь деревень съ пустошами“ и повелѣніе обучать „рейторскому строю новокрещенныхъ нѣмцевъ стараго и новаго выѣзда, равно и татаръ“. Богатая и довольно видная въ XVII в. русская фамилія Лермонтовыхъ, считавшая въ числѣ

Село Тарханы.

своихъ членовъ лицъ, занимавшихъ придворныя должности, въ XVIII в. захудала. Отецъ нашего поэта оказался уже бѣднякомъ. Родственная связь съ богатой и знатной Арсеньевой могла бы снова возвысить родъ Лермонтовыхъ, но спесивая бабушка поэта, оскорбившаяся самовольнымъ выходомъ дочери замужъ, успѣла пропзвести распрю между мужемъ и женою, что и было причиною преждевременной ея смерти. Такимъ образомъ еще въ раннемъ дѣтствѣ будущій поэтъ лишился матери, которую замѣнила ему бабушка, нѣжно лю-

бившая свою единственную дочь и по смерти ея перенесшая эту любовь на внука. Богатая и знатная бабушка, враждебно относившаяся къ своему зятю, увезла внука въ деревню Тарханы Пензенской губерніи и здѣсь обставила его воспитаніе всевозможными удобствами, ничего не жалѣя, чтобы дать своему любимцу лучшее и блестящее по тому времени образованіе свѣтскаго человѣка.

Въ дѣтствѣ Лермонтову не пришлось слушать русскихъ народныхъ сказокъ; въ Тарханахъ его окружали иностранки-бювны, тетки и кузины, говорившія на иностранныхъ языкахъ. Излишнія ласки и любовь постоянно окружавшихъ его женщинъ дѣлали изъ маленькаго „Мишеля“ баловня и развивали въ немъ духъ своеволія и упрямства. Скоро въ ребенкѣ развилась необыкновенная склонность къ разрушенію. Онъ ломалъ въ саду кусты и срывалъ цвѣты, усыпая ими дорожки; давилъ муху и всякое насккомое и сильно радовался, когда камнемъ сбивалъ съ ногъ курицу или иную птицу. Бабушка, страстно любившая внучка, главнымъ образомъ заботилась о его физическомъ благосостояніи, и когда ему случалось заболѣвать, то освобождала дворовыхъ дѣвушекъ отъ всякихъ работъ и наказывала имъ молиться Богу объ исцѣленіи молодого барина. Но за то обученіе Лермонтова велось чрезвычайно разумно. Гуверперы и учителя обучали его музыкѣ, рисованію и повѣйшимъ языкамъ, а изъ древнихъ—греческому. Первымъ и главнымъ въ ряду этихъ языковъ стоялъ, разумѣется, языкъ французскій, и Лермонтовъ рано успѣлъ изучить этотъ языкъ до того основательно, что еще въ дѣтствѣ хорошо зналъ французскую словесность, могъ писать французскіе стихи и вель на этомъ языкѣ переписку. Но вмѣстѣ съ тѣмъ его серьезно обучали и языку англійскому, такъ какъ въ тогдашнемъ аристократическомъ обществѣ послѣ болѣе чѣмъ полувѣковой галломаніи обнаружилась сильная наклонность ко всему англійскому. Въ то же время онъ усердно занимался и русскимъ языкомъ и, по отзыву его учителя, „учился прекрасно, особен-

ные успѣхи оказывалъ въ русской словесности“. Такимъ образомъ уже съ ранняго дѣтства Лермонтовъ получилъ серьезную подготовку и средства для дальнѣйшаго своего развитія. Знакомство съ произведеніями лучшихъ представителей европейскихъ литературъ возбудило въ дитяти желаніе испытать собственныя литературныя дарованія. Въ уцѣлѣвшихъ ученическихъ его тетрадяхъ, рядомъ съ выписками изъ иностранныхъ и русскихъ авторовъ, находится довольно и русскихъ стиховъ самого Лермонтова—переводовъ изъ Гете и Шпллера, а также подражаній Пушкину и Жуковскому. Впослѣдствіи писаніе стиховъ сдѣлалось у него страстью. Когда не случалось подъ рукой бумаги, онъ писалъ на столахъ, на стѣнахъ, на переплетахъ книгъ, даже на днѣ деревяннаго ящика. Поэтъ самъ подтрунивалъ надъ „этою смѣшною своею страстью *всюду оставлять слѣды своего существованія*“ и, очевидно, разумѣя самого себя, написалъ такую „эпитафію плодовитому писакѣ“: „Здѣсь поконтея челоуѣкъ, который никогда не видалъ предъ собою бѣлой бумаги“.

Не безъ вліянія на это раннее возбужденіе склонности къ стихотворству и повзрѣи остались, конечно, рисованіе и музыка, которыя дѣйствуютъ по преимуществу на развитіе эстетическаго чувства и которымъ Лермонтовъ еще въ дѣтствѣ обучался съ обычнымъ своимъ усердіемъ и успѣхомъ. Рассказываютъ, что больная мать Лермонтова, одаренная музыкальною душою, посадивъ ребенка на колѣни, долго заигрывалась на фортепіано, а онъ, прильнувъ къ ней головой, сидѣлъ неподвижно; звуки потрясали его младенческую душу, и слезы катились по лицу. Вообще съ ранняго дѣтства въ поэтѣ развилась любовь ко всѣмъ искусствамъ, и всѣ искусства были близки душѣ его. Онъ не только отлично рисовалъ, но хорошо игралъ на скрипкѣ и фортепіано. Вліянію этого серьезнаго воспитанія и раннему знакомству Лермонтова съ лучшими произведеніями европейскихъ писателей, подъ руководствомъ опытныхъ и достойныхъ гувернеровъ и учителей, слѣдуетъ припи-

сать главнымъ образомъ его раннее развитіе, сосредоточенность и не дѣтскую серьезность. Десяти лѣтъ онъ вмѣстѣ съ бабушкой провелъ нѣсколько мѣсяцевъ на Кавказѣ, дивныя красоты котораго были для него особенно привлекательны потому, что онъ уже знакомъ былъ съ ними по очаровательнымъ картинамъ этого чуднаго края, нарисованнымъ мастерскою

Гротъ М. Ю. Лермонтова въ Пятигорскѣ.

кистью горячо любимаго имъ поэта Пушкина. Живыя впечатлѣнія природы Кавказа съ ея разнообразными—то мрачными и суровыми, то свѣтлыми и очаровательными, но въ томъ и другомъ случаѣ широкими и величественными—картинами сливались съ очарованіями пушкинской поэзіи и глубоко западали въ душу ребенка, доставляя богатый матеріалъ его воображе-

нію и фантазіи. Здѣсь же десятилѣтній Лермонтовъ страстно влюбился въ девятилѣтнюю дѣвочку.... Вообще же пребываніе на Кавказѣ доставило поэту много разнообразныхъ, чрезвычайно сильныхъ и неизгладимыхъ впечатлѣній. „Горы Кавказа для меня священны“, говоритъ онъ, записывая это воспоминаніе. Впечатлѣнія эти постоянно возобновлялись и усиливались, благодаря собственнымъ его мечтаніямъ о бражныхъ походехъ и военныхъ подвигахъ, мѣстомъ дѣйствія которыхъ онъ постоянно избиралъ Кавказъ, а также оживленнымъ разсказамъ о набѣгахъ воинственныхъ горцевъ и красотахъ природы Кавказа родственниковъ бабушки, почти каждое лѣто прїѣзжавшихъ изъ Пятигорска въ Тарханы и проживавшихъ тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

При своей талантивой, сильной и порывистой натурѣ Лермонтовъ еще мальчикомъ былъ малоразговорчивъ и не общителенъ, постоянно смотрѣлъ въ землю, мечталъ, и по временамъ лзвительная улыбка являлась на лицѣ его вѣвшимъ отраженіемъ внутренняго его настроенія. Семейные раздоры еще болѣе усиливали въ немъ сосредоточенность и скрытность. Бабушка, всѣми силами души ненавидѣвшая своего зятя и постоянно трепетавшая, чтобы онъ не отнялъ ея любимца, не стѣснялась, разумѣется, предъ внукомъ въ выраженіяхъ и, какъ только могла и умѣла, чернила его отца, и Лермонтова, облагодѣтельствованный бабушкой и страстно любившій своего бѣднаго и постоянно принижаемого отца, по неволѣ долженъ былъ стараться удерживать и затѣпывать въ себѣ постоянно волнованшія его чувства любви и ненависти. Избалованнаго и гордаго по натурѣ ребенка все сильнѣе раздражало пренебреженіе окружающихъ къ бѣдности и незнатности рода отца, а слѣдовательно и его самого. Думы и сомнѣнія, порывистыя и бурныя чувства и тогда уже волновали его душу, и онъ научился тщательно скрывать отъ другихъ то, что происходило въ его душѣ, волновало его чувство и занимало его мысль. Только бумагѣ онъ повѣрялъ мучившія его думы и страданія.

Прочитанныя имъ книги, только что выслушанные интересные рассказы—все служило ему матеріаломъ для сюжетовъ, плановъ и цѣлыхъ трагедій, куда онъ переносилъ окружавшихъ его лицъ, вставлялъ себя и горькую драму своей жизни. Особенно сильно и рельефно обрисована эта тяжелая семейная обстановка въ трагедіи „Люди и страсти“, гдѣ въ лицѣ Громовай, безъ памяти любящей своего внука и ревнующей его къ отцу, представлены всѣ главные герои семейной драмы.

Въ то же самое время Лермонтовъ старался быть веселымъ, любилъ общество, танцы, верховую ѣзду и видимо увлекался всѣмъ этимъ. Такимъ образомъ еще въ дѣтствѣ въ характерѣ Лермонтова обнаружилась та двойственность, которая съ теченіемъ времени развивалась въ немъ все сильнѣе и больше. Ко всему сказанному необходимо прибавить, что и окружавшее будущаго поэта общество много содѣйствовало развитію въ Лермонтовѣ-дитяти вовсе не дѣтской серьезности и сосредоточенности. Въ деревнѣ и потомъ въ Москвѣ онъ жилъ постоянно въ средѣ людей взрослыхъ, умныхъ и серьезныхъ, невольно основываясь съ недѣтскими понятіями и взглядами, привыкая внимательно относиться ко всѣмъ явленіямъ и впечатлѣніямъ окружавшей его жизни. Даже поступивши въ Благородный университетскій пансіонъ, онъ продолжалъ жить въ домѣ бабушки и ходилъ въ пансіонъ въ сопровожденіи гувернера. Два года учебной жизни въ пансіонѣ прошли для Лермонтова въ постоянныхъ занятіяхъ. Помимо класныхъ уроковъ онъ бралъ еще уроки частные у прѣф. Мерзлякова, извѣстнѣйшаго въ то время знатока словесности и критика. Домашнія занятія подъ руководствомъ гувернера шли своимъ чередомъ. Лермонтовъ много читалъ, особенно по исторіи и словесности. При выходѣ изъ пансіона онъ получилъ на публичномъ экзаменѣ первую награду „за сочиненіе и успѣхи по исторіи“.

Шестнадцати лѣтъ онъ поступилъ въ Московскій университетъ, но здѣсь оставался не долго. Нѣкоторые изъ біографовъ поэта указываютъ, что его исключили изъ университета за одну

изъ студенческихъ выходокъ по поводу странностей адъюнкта, читавшаго теорію угодного права; другіе-же болѣе основательно утверждаютъ, что Лермонтовъ самъ вышелъ изъ Московскаго университета, чтобы поступить въ Петербургскій, такъ какъ на репетиціяхъ онъ наговорилъ профессорамъ дерзостей, а на экзаменахъ получилъ неудовлетворительные баллы; но въ Петербургѣ ему не согласились зачесть прежніе университетскіе годы и предложили поступить на первый курсъ, и онъ вовсе оставилъ университетъ, къ чему побудило также свободолюбиваго Лермонтова состоявшееся въ то время прибавленіе къ трехгодичному университетскому курсу еще четвертаго года. Такимъ образомъ Лермонтову не удалось получить высшее университетское образованіе. — Эта неудача слишкомъ сильно подѣйствовала на впечатлительную и пылкую натуру Лермонтова. Какъ человѣкъ гордый и самолюбивый, онъ сильно волновался всевозможными успѣхами и неудачами. Еще въ дѣтствѣ онъ постоянно старался казаться взрослымъ, былъ неразлученъ съ огромнымъ томомъ сочиненій Байрона, сосредоточивался, углублялся въ размышленія и выходилъ изъ себя, когда кто-либо смотрѣлъ на него, какъ на мальчика. Онъ чувствовалъ въ себѣ могучую силу таланта, мечталъ о широкой и блестящей дѣятельности, о своемъ высокомъ призваніи, объ извѣстности и славѣ и... вдругъ такой тяжелый ударъ его самолюбію и юношескимъ честолюбивымъ мечтамъ! Нимъ сильно овладѣло разочарованіе. Въ письмахъ, относящихся къ этому времени, Лермонтовъ рассказываетъ о скукѣ и томившихъ его сомнѣніяхъ, говорить, что его „больше всего мучить тайное сознаніе, что онъ кончитъ жизнь ничтожнымъ человѣкомъ“. Мрачныя думы овладѣваютъ имъ все болѣе и болѣе; „все прошло“, писалъ онъ: „я жилъ, я слишкомъ скоро созрѣлъ“.

Чтобы не затеряться въ массѣ, пріобрѣсти значеніе и играть видную роль въ обществѣ, Лермонтовъ избралъ ту дорогу, которая въ то время считалась самою популярною, ближе и скорѣе приводившею къ цѣли и которою шла масса аристо-

кратической молодежи, между прочимъ и близкіе друзья Лермонтова и даже его товарищи по университету. „До сихъ поръ, говоритъ онъ, я жилъ для поприща литературнаго, принесъ столько жертвъ своему неблагодарному идолу, и вотъ теперь я воинъ“. Въ концѣ 1832 г., въ званіи лейбъ-гусарскаго юнкера, Лермонтовъ поступилъ въ школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ. Двухлѣтнее пребываніе въ школѣ, гдѣ все образованіе сводилось къ обученію фронту и военной выправкѣ, не могло, конечно, ничего прибавить къ умственному развитію Лермонтова; но хорошо уже и то, что въ этой школѣ онъ не успѣлъ изуродовать, убить своего таланта. Какъ человѣкъ самолюбивый, искавшій вездѣ первенства и превосходства надъ другими, Лермонтовъ не только не желалъ отстать отъ своихъ товарищей во всѣхъ ихъ забавахъ и шалостяхъ, но вездѣ игралъ дѣятельную и важную роль. Онъ-то состязается съ товарищами въ физической силѣ и вяжетъ узлы изъ ружейныхъ шомполовъ, то украшаетъ школьный рукописный журналъ далеко нескромными стихотвореніями и иллюстраціями, то надѣдаетъ товарищамъ сатирическими насмѣшками и своею назойливостью, то проявляетъ удалство въ разгульной жизни, въ школьныхъ шалостяхъ и походахъ. Одинъ изъ товарищей такъ характеризуетъ Лермонтова: „Онъ былъ небольшого роста, некрасиво сложенъ, смуглъ лицомъ, имѣлъ темные, приглаженные на головѣ и вискахъ волосы и большіе, пронзительные сѣро-каріе глаза, презрительно глядѣвшіе на все окружающее. Какъ ударъ молніи сверкали эти глаза; трудно было выдержать этотъ насквозь пронизывающій, непривѣтливый взглядъ. Вся фигура этого человѣка возбуждала интересъ и вниманіе, привлекала и отталкивала. Видимо было, что онъ имѣлъ грубый, дерзкій, зоночный характеръ, смотрѣлъ съ пренебреженіемъ на окружающихъ его, считалъ ихъ всѣхъ ниже себя. Хотя всѣ отъ него отшатнулись, а между прочимъ какое-то непонятное, тѣлственное настроеніе влекло къ нему и